

Елена
Рейн

СНЕЖНЫЙ
РАССВЕТ
ЛЮБВИ

Елена Рейн

Нежный рассвет любви

«Автор»

2020

Рейн Е.

Нежный рассвет любви / Е. Рейн — «Автор», 2020

Три года назад незнакомец помог отчаявшейся девушке получить опеку над дочерью сестры, предложив фиктивный брак. После оформления всех бумаг он исчезает из их жизни навсегда, но внезапный звонок из больницы меняет все. Громов Андрей попал в аварию и неожиданно для всех признан банкротом. Лучший друг и невеста бросили его, не желая заботиться об инвалиде. Евгения в растерянности, ведь, оказывается, мужчина – ее муж, и по закону она должна заботиться о нем.

© Рейн Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Рейн

Нежный рассвет любви

Глава 1

Москва

– Евгения Александровна, вас к телефону, – прокричала высокая стройная девушка в медформе синего цвета, улыбаясь двум малышам, моментально повернувшимся на голос.

– Спасибо, Вера, – поблагодарила молодая женщина в белоснежном халате, дописывая диагноз.

Нежная и хрупкая, именно так можно было описать ее. Ее лицо, усыпанное веснушками, всегда привлекало внимание, и особенно огромные карие глаза, но сама Евгения не считала себя привлекательной. Обычная и рыжая – думала она, вглядываясь в зеркало своей съемной квартиры, перед тем как закрыть веки и моментально повалиться спать после тяжелого дня.

Отмечая, что Вера не уходит, молчаливо требуя ответа, Липина на секунду оторвалась от медицинской карточки и добавила:

– Через минуту подойду.

– Там что-то важное. Медсестра из больницы на проводе, – скривившись, уточнила девушка, намекая, что это необычный звонок. И еще ей не хотелось, чтобы трубка долго лежала на тумбе, дожидаясь педиатра. В прошлый раз прошло полчаса с того момента, как она ее позвала, и только когда собралась случайно сбросить, то в регистратуру вбежала запыхавшаяся женщина, извиняясь, начиная разговор. Сейчас Вера решила предупредить о важности звонка, надеясь, что все пройдет очень быстро, ведь через десять минут ей нужно позвонить своему жениху на работу. На сотовый он редко отвечал.

Евгения кивнула, давая понять, что постарается как можно скорее, и вернула внимание к уставшей мамочке, поглядывающей на веселых близняшек, дергающих друг друга за косички, требуя взглядом хорошего поведения.

Наблюдая несколько секунд, женщина улыбнулась и, шлепнув круглой печатью по листу, проговорила:

– Не переживайте, девочки идут на поправку. Через три дня жду вас на прием.

– Три дня? Еще? О, мы уже неделю на больничном. Евгения Александровна, а нельзя никак раньше в сад пойти? У меня работа. Муж в командировке. Мне очень сложно. А если с работы попрут? Как я буду их кормить?

Евгения вздрогнула. Она понимала женщину, знала, что и такое может случиться, но не могла поступить иначе. Вдохнув, молодая женщина положила руку на локоть матери и проговорила:

– Попробуйте нанять нянечку или попросить родственников. Да, кризис миновал, но девочки нездоровы. После гнойной ангины вам по-хорошему до полного выздоровления еще недельку дома надо посидеть.

– Ну как же? Они же никого не заразят... Я попрошу воспитателей давать таблетки. Они знают, как мне тяжело.

Глянув на карту, где на обложке был указан номер сада, Евгения нахмурилась. В этот ходит ее Маришка. Нужно будет поговорить с воспитателями, что их доброта ни к чему хорошему не приведет. Она прекрасно понимала женщину и даже сильнее чем нужно, ведь одна воспитывала четырехлетнюю дочь, но не могла подвергать риску других детей. Глянув на медсестру, с недовольством посматривающую на монитор, поспешно предупредила:

– Лидия Михайловна, запишите Стукановых на понедельник, а там будет видно, – заметив, как женщина расстроилась, Евгения проговорила: – Ничего не могу поделать. Лечитесь.

Липина поднялась и пошла к двери, останавливаясь на секунду, чтобы сказать:

– Пусть проходят следующие, я сейчас подойду, – открыв дверь, она провела по волосам девочки и добавила: – Выздоровливайте и маму слушайтесь!

Оля и Нина – так звали двух непосед, закивали и стали тормозить ногами, тут же принимаясь щекотать друг друга.

– Да, конечно, – с улыбкой проговорила медсестра и продолжила смотреть в монитор, выбирая талон на удобное время для Стукановой.

Евгения вышла из кабинета. Чего не ожидала, так это увидеть полный коридор людей. Хотя теплой зимой – это обычная картина, особенно на ее большом участке. Кое-как выбравшись из узкого коридора, где невозможно было дышать, она направилась в регистратуру. Закрыв за собой дверь, кивнув недовольной Вере, она взяла трубку и четко проговорила:

– Липина Евгения Александровна.

– Здравствуйте. Это медсестра из городской больницы. Ваш муж...

Муж? Женя нахмурилась. Что за ерунда? Она хотела объяснить, что произошло недопонимание, как тут же вынуждена была слушать по линии разговор собеседницы и доктора, который просил ее немедленно отправиться в отделение реанимации.

– Простите, не могу говорить, – извинилась женщина, начиная движение.

– Вы ошиблись, у меня нет мужа...

– Громов Андрей Николаевич не ваш муж? Информацию предоставила полиция.

Евгения застыла на месте, пораженная словами. Вдохнула и закрыла глаза, вспоминая о великодушном соглашении с богатым бизнесменом. Три года назад... Она была уверена, что адвокат фиктивного мужа уладил все дела, и больше они никак не связаны. Евгения помнила их встречу, случайный разговор, произошедший на грани срыва, а на следующий день произошло чудо – она получила помощь от того, кого все обходили стороной, стараясь не связываться. Липина была ему благодарна, если бы не Андрей, то Маришку уехали в детский дом. Чего не ожидала – что еще замужем. Сама не думала о замужестве, не до этого, поэтому не проверяла. Прикусив нижнюю губу, она тихо пробубнила:

– Что... – замялась, – что с ним случилось?

– Так это ваш муж или нет?

«Нет! Не мой! Но... мы расписаны... временно... А может, уже и нет...»

– Да, – выдохнула Евгения, зажимая пальцами ткань белого халата, отодвигаясь к стене. Отмечая, как регистратор тянется в ее сторону, пытаясь услышать разговор, что нежелательно, Липина отвернулась. Вера недавно пришла в их филиал, с первых дней отличившись длинным языком. Она любила посплетничать, полностью полагаясь на свои умозаключения.

– Вам нужно подъехать к нам, чтобы подписать документы и забрать мужа. На днях его выписывают и...

– Пойдите...

В голове женщины моментально всплыли факты жизни Громова. Несколько месяцев назад она случайно наткнулась на фотографию Андрея в модном журнале. Рядом с ним стояла красивая девушка, которую он называл невестой, обещая шикарную свадьбу.

Почему позвонили именно ей? Недоразумение.

– Не могу говорить. Лечащий врач – Леванов. Приезжайте.

– С ним все нормально?

– Ну-у... думаю, вам стоит поговорить с врачом. Громов, он... М-м-м... Не могу уже говорить. До свидания, – женщина положила трубку, оставляя множество вопросов без ответов. Евгения продолжала стоять, обдумывая странные слова, пока не услышала громкий крик ребенка, вернувший ее в настоящее. У нее полный коридор родителей с детьми – нужно идти.

– Все нормально, Евгения Александровна? – вежливо поинтересовалась девушка, вытягивая губы, активно улыбаясь, показывая свою доброжелательность.

– Да, конечно. Спасибо, – рассеянно ответила Евгения и устало побрела в свой кабинет, поглядывая на часы, не понимая, почему столько людей, когда до конца приема тридцать минут. И ведь талонов осталось всего пять.

Опять задержится на час.

Покачав головой, она быстро добежала до кабинета и села на стул, поглядывая на полную женщину с ребенком на руках. Девочка сверкала от счастья, совсем не обращая внимания на оставшиеся красные точки (следы от фукорцина) по всему лицу. А неделю назад она плакала, вздрагивая, что больше не красивая и никто не захочет с ней дружить в садике.

Откидывая волнение в сторону, Евгения улыбнулась и как можно веселее проговорила:

– И кто это ко мне тут такой красивенький пришел? Все, вылечилась?

– Да! – довольно потянула малышка, улыбаясь врачу и матери, поцеловавшей ее в волосы.

* * *

Гул, шум, крики – Евгения зажмурила глаза, стараясь справиться с головной болью. Она стояла у палаты Громова и решалась войти. Сложно. Сейчас она не врач, не мать, а просто женщина, явившаяся к чужому мужчине, которого за двадцать минут уже десять раз называли ее мужем. Липина не могла поверить. Но лишь жестокий диагноз придавал сил – поясничный взрывной перелом со смещением в спинномозговой канал. Еще у мужчины частичная амнезия. Он не помнил ничего, что произошло за последние четыре года, но это временно.

На сбивчивые объяснения Евгении, что у Андрея есть невеста, лечащий врач заявил, что это его не касается, и пояснил, что Суворов Николай Антонович отказался дальше содержать Громова в больнице. Поэтому... поскольку все необходимые операции и процедуры сделали, остальное в реабилитационном центре. Послезавтра Андрея выписывают, и идти ему некуда. Банкрот и бездомный. Именно поэтому он врезался на огромной скорости в бордюр, желая покончить жизнь самоубийством. Леванов выразил надежду, что она позаботится о нем, ведь если все так, как она рассказала, то должна отплатить добром за добро.

Женщина прижалась лбом к двери и вздрогнула от громкого голоса:

– Убирайся! Пошел вон!

Сглотнув, Евгения отступила на шаг, как тут же дверь с грохотом отлетела в сторону, ударившись о стену. Удивительно, что она не развалилась на части. Высокий, подтянутый мужчина в черном костюме вышел из палаты. Его лицо горело от ярости. Задержав внимание на хрупкой женщине в сером теплом платье, скрывающем абсолютно все, дернул рукой галстук, ослабляя его, и уверенно побрел по коридору, желая поскорее уйти из этого места.

Женя продолжала наблюдать. Она была удивлена грубостью Громова, ведь никогда не видела его таким агрессивным за то время, что знала. Да, он бывал резок, но, чтобы так... Вероятно, из-за болезни. Врач предупредил об этом, уточнив, что мужчине тяжело, и именно поэтому Андрей отказывался от любой помощи. Леванов попросил быть терпимее и добрее, ведь у Громова сильный стресс.

Глянув на часы, Женя выдала стон. Мало того что в пробке простояла полтора часа, так еще была вынуждена ждать в приемной. Понимая, что соседка будет недовольна тем, что она вновь задержалась, женщина поспешила в палату. Больше нет времени ждать.

Оказавшись внутри, Липина застопорилась, взволнованно уставившись на пустую кровать. Мужчины не было.

– Вы кто? – раздался недовольный голос Громова позади нее. Евгения обернулась и увидела красивого стройного мужчину в электроприводном кресле-коляске. Моментально в глаза бросалась щетина, волосы торчали в разные стороны, темные мешки от усталости, осунувше-

еся лицо. Он с ненавистью взирал на нее, а когда увидел, что женщина заострила внимание на ногах, с яростью выдал: – Что пялишься?

Евгения поразились своему странному поведению, ведь не стоило так откровенно смотреть, но привычку тяжело убрать. Решив, что не стоит акцентировать внимание на его провоцирующем вопросе, женщина молча направилась к окну. В палате стоял невыносимый запах пота. Мужчина отказывался от всего, в том числе душа, поэтому было неудивительно. Взявшись за левую ручку, Женя объяснила:

– Нужно проветрить.

– Мне ничего не нужно. Уходи! – рявкнул мужчина, прожигая гневным взглядом странную незнакомку.

Закусив губу, Женя поднялась на цыпочки и открыла. Крутанулась на месте и виновато улыбнулась, поспешно заявляя:

– Свежий воздух...

– Мне плевать, – пробубнил Андрей, не желая слышать ненужную информацию, и поехал к кровати, надеясь, что настырная гостья с рыжими волосами немедленно уберется.

Женщина так и стояла, обдумывая ситуацию, а потом проговорила:

– Липина Евгения Александровна, – замялась, настраивая себя на следующие слова.

Она понимала, что он не помнит ничего, но ведь ее пригласили не просто так, и следовало рассказать, почему она здесь. Только как начать? Разве она может спокойно поведать, что у Громова никого не осталось? Кроме нее, Андрея некому забрать.

Была надежда, что она найдет невесту, которую Андрей тоже не помнил, потому как познакомился с ней год назад. Примерно. Это ее предположение по информации из журнала. Евгения верила, что когда она все ей расскажет, то любимая женщина обязательно заберет своего жениха. А пока нужно как-то поведать обо всем. Насколько известно, мужчина только знает, что банкрот и понимает, что ему некуда идти. Громов детдомовский, родственников у него нет. Прочистив горло, девушка решила на признание:

– Я ваша... фи... жена.

– У меня нет жены, – грубо заявил мужчина, даже не оборачиваясь. Секунду размышлял, а потом горько усмехнулся и процедил: – Ничего нет. Так что дверь там...

Трудно. Евгения даже не думала, что придется так тяжело. Женщина нервно сжала ткань платья и уточнила:

– Брак мы заключили три года назад. Но мы... не жили вместе и через время планировали развестись.

Облегчение. Какое облегчение все рассказать. Просто груз с души.

Громов нахмурился, а потом на его лице промелькнула странная улыбка, но лишь на мгновение, поэтому Евгения решила, что ей показалось. Она только хотела продолжить, как он вдруг сказал:

– Да, я не помню последние четыре года, но уверен, что не мог жениться на такой, как ты.

Краска сошла с лица. Евгения не ожидала таких грубых слов. Получается, он ни за что не посмотрел бы на нее? Она тоже! Пусть и не думает! Да, она простая, но это не означает, что чем-то хуже его длинноногой невесты с силиконами. Женщина сделала шаг к нему и четко выдала:

– Это была необходимость! Вы тоже не в моем вкусе.

В глазах мужчины вспыхнул опасный огонек. Он нахмурился и выдал:

– Извини, я не хотел обидеть. Просто... мне нравятся другие.

– Я могу принести... свидетельство о браке, – выдавила из себя Евгения, не желая разговаривать.

– Даже так? – с усмешкой процедил Андрей и лениво уточнил: – И что тебе нужно, Липина Евгения Александровна? Кстати, не подумал бы, что моя жена додумается оставить девичью фамилию. Гордая?

Женя посмотрела на свои руки, вспоминая, что этот вопрос его и тогда волновал, но она настояла – не хотела, чтобы кто-нибудь узнал на работе. Ей не нужны лишние разговоры.

– Неважно. Как вам... станет лучше... мы разведемся.

– Естественно. И если все, то дверь там.

– Но...

– Уходи, – грубо процедил мужчина и попытался на сильных руках подняться с кресла на кровать, но не смог. Он крепко сжал губы в тонкую линию и попробовал вновь, но безрезультатно, что его моментально взбесило. Андрей ударил кулаком по кровати и зарычал, сдерживая себя от грубых слов.

Евгения понимала, что лучше к нему не подходить в таком состоянии, но не смогла уйти. Не смогла. Вздыхнув, она уверенно направилась к нему, бросив сумку в кресло. Оказавшись рядом, Женя на секунду замерла, а потом обхватила мужчину за талию, желая помочь, но не подняла, потому что мужчина был крупнее и совсем не помогал ей, наглядно демонстрируя, что ее ухищрения бесполезны.

– Урок тебе, Евгения! Не стоит пытаться, если нет сил! – грубо прогрохотал Андрей, раздражаясь, что рыжая девчонка не уходит. Ее жалость, как и других, ему не нужна. Пусть катятся куда подальше.

Ярость поднималась в груди хрупкой женщины. Она, значит, тут пытается помочь, а он откровенно выпендривается. Схватив его за ладонь, она сжала ее и резко выпалила:

– Не нужно отказываться от помощи! Ради тебя я оставила ребенка с бабушкой, которая, когда смотрит телесериал, забывает обо всем на свете, особенно о чужой маленькой девочке. Марина голодная и хочет к маме! Но я... все бросила и пришла сюда. Неужели нельзя нормально разговаривать и принять помощь? Никому лучше не будет, если вы грохнетесь тут на пол.

– Ты... – начал он, не скрывая своего агрессивного состояния. На висках пульсировали вены, на лбу пошли морщины. Он желал поставить на место заботливую дамочку, которая конкретно раздражала.

– И хватит злиться и строить из себя жертву! С вашим диагнозом можно встать на ноги, если пожелаете. Все зависит от вас!

– Нет! Почти нереально! Нужно здраво смотреть на вещи, а не летать в облаках.

– Нужно! И я смотрю! Я знаю женщину, у которой травма в несколько раз хуже, и она ходит на своих ногах.

Мужчина ничего не сказал, он просто с яростью прожигал хрупкую женщину, но в следующую секунду закрыл глаза и уже спокойнее выдал:

– Хорошо. Давай еще раз попробуем.

Женщина пораженно смотрела на мужчину, принимая слова, а потом кивнула, стараясь не показать удивление, и вцепилась в него, надеясь, что все получится. Очень этого хотела. И когда поняла, что Громов уже сидит, счастливо улыбнулась. На секунду. Заметив, как напряжен мужчина, отвела взгляд, взволнованно огляделась по сторонам и как бы случайно заметила:

– Послезавтра тебя выписывают...

В ответ молчание. Понимая, что ему сейчас сложно и непривычно, Женя провела рукой по простыне и спокойно продолжила:

– Мы поедем домой...

– У меня нет больше дома, – слишком грубо и категорично отчеканил мужчина, пытаясь понять, как он мог допустить непоправимую ошибку. Никогда в жизни он не позволял себе

слабости, любую информацию, показатели лично проверял, все контролировал, и теперь... бездомный. А самое поганое – калека.

Бесполезный. Ничтожный. Слабый.

Он не находил себе места. Постоянно задавал себе вопросы: «Что произошло за четыре года? Как он опустился до самого дна?»

Надо же... Вернулся к тому, с чего начал.

– И у меня больше нет своего дома, – призналась Евгения, твердо вглядываясь в его глаза. – Я живу в съемной квартире с дочерью, но главное – что есть место, где можно отдохнуть от всего и быть с родными, теми, кто ждет и любит.

– Не пойму, ты наивная или глупая? – раздраженно рявкнул Андрей и тут же устало добавил: – Мне нужно побыть одному. Уходи.

Липина хотела уйти, а потом повернулась, положила руку на его ладонь и смущенно спросила:

– Ты... что любишь? Мы с Маришей приготовим. Она...

– Мне ничего не нужно, тем более от тебя! Уходи и не возвращайся!

Евгения не желала навязываться, но иначе нельзя. Обида подкатывала к горлу, но женщина давила в себе слабость. Сейчас нужно дать мужчине отдохнуть, переварить, привыкнуть. Это важно.

Незаметно заправив за ухо локон, выбившийся из прически, женщина прошла к креслу и схватила сумку. Еще раз посмотрела на мужчину с безжизненными глазами, в которых не было того обжигающего огня, что полыхал раньше, и побрела к двери. С каждым шагом она все сильнее чувствовала грусть и усталость.

Каждый день тяжелый, а тут еще сюрприз. Надо же... И ничего не сделаешь.

Ничего... она справится.

Попрощавшись на вахте с вежливыми охранниками, Евгения поспешила к своей старенькой машинке. Отцовская, досталась от него в наследство. Сестра отказалась, заявив, что на такой рухляди не будет ездить, а она благодарно приняла. Сейчас даже не представляла, как без нее. По делам, в магазины, в больницу, а иногда на вызова, когда много больных. Любила она свою помощницу. Да, старенькая, стремная – но машина. И кресло-коляска поместится, не нужно никого просить.

Липина села в машину и положила ладони на руль, склонив голову, пытаясь себя убедить, что все будет хорошо. Да, обязательно. Так и будет, только нужно немного потерпеть. Понимая, что хорошо бы поплакать, выкинуть из себя все, что накопилось в груди, но, к сожалению, не могла. Это, значит, сдаться, принять, что не справилась, а у нее ребенок. Нельзя быть слабой, когда не на кого положиться. Но если бы было сильное плечо, она обязательно сбросила с груди эту тяжесть.

Кто бы мог подумать, огромная радость сестры через год будет для нее обузой, непосильным грузом, от которого она захочет избавиться.

Закрыв глаза, девушка перенеслась на три года назад, в тот радостный новогодний день, обернувшийся кошмаром.

Глава 2

3 года назад

Тяжелая сумка с подарками оттягивала руку, но это не мешало девушке быстро бежать по лестнице с огромным желанием увидеть родных. Женя порхала от счастья, представляя, как эти подарки подарит сестре, ее мужу и маленькой племяннице, которой седьмого января исполнится годик. Чудо на Рождество. Рыжая красавица радовалась, что сестра изменилась, и уже второй раз за год приглашала к себе.

После смерти отца Виктория замкнулась в себе, начала гулять, пить, тащить из дома ценные вещи, чтобы продать и потусить в крутой компании, а потом пришла очередь до продажи однокомнатной квартиры, которая им досталась от родителей.

Мать умерла во время родов. Лишь посмотрела на маленькую рыженькую головку, улыбнулась и навсегда закрыла глаза. Отец никогда не корил младшую дочку, защищал от нападок старшей сестры, за что Евгения была искренне благодарна. Но вот друзей у нее не было. Дети во дворе считали ее проклятой, убийцей, повторяя слова Виктории. Рыжая девочка привыкла быть одной. Когда подросла – пряталась в книгах, ходила в детские сады, чтобы нянчиться с малышами, что ей на удивление разрешали. Если первое время она пыталась переубедить знакомых, то потом поняла, что это бесполезно. Женя смирилась с тем, что она изгой. Наблюдая за играми ребят, она тихо плакала, надеясь, что когда-нибудь и она будет там бегать. Но такого не случилось. Длинноногая сестра считалась первой красавицей, и никто не шел против ее мнения.

Никогда у Жени не было желания пожаловаться отцу. Александр Егорович тяжело болел. Огромный букет болезней, которые пытался скрывать, не показывая, как мучается. Младшая дочь видела, как ему тяжело содержать и воспитывать их в одиночку. Она старалась помочь, делать все по дому, чтобы ему было легче. И в один солнечный день он оставил их. В больнице он умолял сестер, любить и помогать друг другу, что бы ни случилось.

Евгения никогда не думала, что родительный дом можно продать. Никогда. А тут требование. Старшей сестре нужны деньги, у нее долги и если не найдет, то часть ее денег пойдет на похороны. Убедительно. Младшей сестре тогда исполнилось двадцать два года, училась в медицинском институте. Выхода не было. Девушка продала квартиру, отдала половину суммы Виктории и выбила себе общежитие, остальное положила на книжку. Конечно, хотелось купить хоть что-то, но денег не хватало.

Через полгода явилась сестра с мольбой дать денег на жизнь, напоминая, что именно из-за нее лишилась матери. Тогда Евгения уже окончила институт и решила, что больше ничего сестре не должна. Давно выросли и у каждой своя жизнь. Девушка проявила стойкость, заявив, что если она свое потратила, то это ее проблемы. Произошел скандал, и Виктория отказалась от сестры, напоследок пожелав, чтобы она так же закончила жизнь, как их мать.

Через год Вика позвонила и сообщила, что беременна, нашла хорошего мужчину, пригласила в гости. Тогда Евгения ехала со страхом, но была приятно удивлена. Ее встретили отлично, и она чувствовала настоящее счастье в семье старшей сестры. А потом появилась Маришка, и сегодня она впервые увидит ее.

Оказавшись у нужной двери, девушка услышала громкие оглушающие басы. Музыка звучала так, что невозможно было стоять, чтобы не закрыть уши. Евгения нахмурилась. Уже вечер... в квартире маленький ребенок, а тут музыка. Как же так?

После звонка пошли удары кулаком в дверь. На звонки никто не отвечал. Женя присела на корточки и вдруг увидела спускающуюся с лестницы худощавую женщину средних лет в банном халате.

– Что, еще одна погулять прискакала? – с презрением рявкнула она, поправляя полы халата.

– Я... к сестре и племяннице приехала, – объяснила Женя, поднимаясь на ноги.

– Кхм... не знаю, какая ты, но сестра твоя – мразь еще та, – незнакомка прошла мимо девушки и нажала на звонок, громко тарабанила и выкрикивая:

– Виктория, открой! Гадина! Открой немедленно! Или полицию сейчас вызову!

– Может, она вышла на прогулку с дочерью, а музыку забыла выключить? – наивно предположила Евгения, надеясь, что так и есть. Не хотелось ей верить в худшее.

– Какую прогулку?! У них-то и коляски нет... Ничтожество, а не мамаша. Правильно, что мужик ее сбежал. Зачем ему такая гулёна нужна?!

Евгения только хотела возмутиться, как дверь открылась и на пороге появилась ее сестра. Если точнее – тень Виктории, потому что незнакомку, которую она сейчас видела, нельзя было назвать матерью или счастливой женщиной. В синяках по всему телу, в порванном халате с оголенной грудью и с фингалом под левым глазом она походила на чучело. Длинные волосы торчали в разные стороны, засаленные, но выкрашенные в два цвета – фиолетовый и черный.

– Теть Катя, не нужно звонить в полицию.

– Так музыку убери! Достала уже! Если вновь услышу, то без второго предупреждения сразу вызову.

– Не, мы... выключим, – заплетающимся языком пробубнила женщина и словно в тумане, шатаясь, повернулась лицом к своей квартире, руками пытаясь найти ручку, чтобы вцепиться в нее.

Шок прошел и, понимая, что дверь захлопнется, Женя сделала шаг вперед и выкрикнула:

– Вика!

Сестра застыла на месте, а потом обернулась. Положив руку на лоб, она долго шурилась, а потом непонимающе прохрипела:

– Женя? Но... что тебе здесь нужно?

– Кхм, надо же... встреча двух сестер. Интересно, к чему приведет? – с недовольством выдавила женщина и, глянув на бледное лицо худенькой девушки, похлопала ладонью по спине и сообщила: – Я этажом выше – 324 квартира. Если что – заходи.

Евгения смогла только кивнуть, не замечая, как уходит женщина, с ужасом вглядываясь в шатающуюся сестру. Она с силой сжала ручку сумки, стараясь справиться с эмоциями, и задала самый важный для нее вопрос:

– Где Марина?

– Марина? – протянула Виктория, вспоминая, кто такая, и устало закрыла ладонями лицо, тут же бубня: – Голова болит.

– Плевать на голову! Где твоя дочь?

– Она... там... вроде, – выдохнула невменяемая женщина, обдавая неприятным запахом алкоголя и чем-то невыносимо приторным.

Девушка скривилась и, резко толкнув сестру к стене, сорвалась вперед, забывая про сумку. Оказавшись в большой комнате, где все было в сигаретном дыму, увидела такую картину: на полу в разных углах храпели мужчины, на столе пустые бутылки, тарелки, в одной – остатки пельменей. Женя покачала головой и осмотрелась. Ребенка нигде не было.

Заметив прикрытую дверь в спальню, девушка побежала туда, с трудом открывая, потому как разбухла, прямоком подбегая к кровати. Когда увидела ребенка, с облегчением вздохнула, пока не заметила подрагивание мышц рук и ног. Судороги. Моментально вытянула руку и потрогала лоб, с ужасом понимая, что девочка горит.

– Боже, – выдохнула она, начиная водить руками по одежде, расстегивая, чтобы осмотреть тело, моментально вспоминая, что у нее в сумке стетоскоп. Она сейчас послушает, как только мокрую одежду снимет.

Раздался скрипучий кашель, отчего ребенка затрясло. Женя лишь на секунду закрыла глаза, ломая себя, чтобы не думать о том, что это племянница лежит перед ней, и попыталась действовать четко и быстро.

– Слава богу, она заткнулась. Орала как помешанная, – с недовольством пробубнила Вика, упиравшись лбом в стену, приседая при этом.

– Жаропонижающие свечи есть? – спросила Евгения, моментально выбегая из комнаты, открывая входную дверь и затаскивая сумку. В таком состоянии она совсем не чувствовала тяжести. Когда достала стетоскоп из бокового кармана, повернулась к сестре и рывкнула: – Что встала? Быстро в аптеку за жаропонижающим!

– Что?! Я не пойду! Сама иди. Ты меня разбудила. Мне плохо! Я ее родила, а она только плачет и плачет. Не хочу ее!

Обида и злость звучали в ее словах. Виктория даже не представляла, что ребенок отнимает столько времени и сил. От грудного молока дочь отказалась, на смеси не было денег. В квартиру педиатра она не пускала, выгоняла, лишь когда та пригрозила жалобой в органы опеки и попечительства, стала сама ходить на прием, чтобы к ней никто не приходил. Виктория ненавидела свою вечно голодную дочь, ее крики не давали отдыхать, спать, поэтому уставшая мать закрывала ребенка в детской, включала громко музыку, желая проучить, чтобы малявка поняла, кто в доме главный.

«*Вся в папашу!*» – с ненавистью подумала женщина, не понимая, почему бывший муж, Александр, променял ее на какую-то толстуху, целый день бегающую у плиты, чтобы приготовить и стать еще толще. Пирожки, пироги, голубцы – разве это достижение? Он сам готовить умел, так в чем проблема? Готовка не ее конек. Шура, этот лысый урод, должен был радоваться и все делать за нее. Да, это его плата за счастье, что повстречал такую красавицу, как она, опустившуюся до того, чтобы посмотреть на него. Но нет, он не оценил, променял ее, посмеив полоскать грязью на лестничной площадке, выкрикивая, какая она свинья и никчемная мамаша.

Но ничего, она быстро нашла богатому козлу замену. Да, у него не водилось денег, но он боготворил ее и в постели радовал. И даже друга приводил. Только вот дочь мешала. И зачем она теперь ей? Это бывший хотел ребенка, пусть и забирает.

– Где аптечка? – спросила девушка, прослушивая девочку, отмечая в груди хрипы сухого, свистящего характера, которые ощущались над всей поверхностью легких. Она на секунду перевела дыхание и посмотрела на Викторию, опустившуюся на колени, бубнящую непонятные проклятья под нос.

Не думая, Евгения бросилась к сестре и, резко подняв за руки, закричала:

– Ну! Где аптечка?! – Виктория не реагировала, летая где-то далеко, поэтому Женя ударила по щеке, надеясь, что это приведет в чувство, рыча ей в лицо: – Вика, где аптечка? У ребенка бронхит.

– Там... за кроватью, – промямлила мать, вновь опускаясь на колени.

Евгения поспешила в нужном направлении. Открыв бумажную картонную коробку, нашла только градусник и разные медикаменты для взрослых. Оценивая ситуацию, понимая, что выхода нет, девушка схватила телефон и стала набирать номер скорой помощи.

– Ты что делаешь? – сестра моментально пришла в себя, осознавая, что неспроста сестра начала звонить. В городе она никого не знает, значит, вызывает полицию. Проклятая девчонка всегда завидовала ей и теперь решила нанести удар, уловив момент, когда она без сил. Тварь. И все потому, что она говорила правду?

– Вызываю скорую.

– А ты что, не врач? Не в состоянии вылечить? – Вика старалась бить сильнее словами. Она знала, что младшая хоть и хорохориться, но слабая. И из-за этого ничтожества она лишилась матери. Где справедливость в этом чертовом мире?

– Пусть ставят укол, а там решим, – девушка огляделась и, увидев гору чистой, но не глаженной одежды, подбежала к ней, начиная рыться, пока не выдернула нужное. Еще бы подгузник найти, если вдруг малышка в дороге станет мокрой. Услышав кашель, она сжала пальцы в кулаки и с отчаянием воскликнула: – Ты запустила! Как могла? Почему не смотрела за ребенком?! Что ты за мать такая?

– Не тебе меня судить! – женщина моментально очнулась. В глазах появилась злость и обида. Ей тяжело, а тут малолетняя сопля ее смеет учить. – Заведешь своих, вот и умничай! И зачем вызывать? Я не поеду в больницу!

– А как молчать? Как?! Ребенок закрыт в душевой комнате, без присмотра! Ты даже не заметила, что у дочери температура. Ты знаешь, как опасны судороги? – Женя задержала дыхание, когда услышала голос диспетчера. Она сглотнула и моментально прошептала: – Добрый вечер. Девочка, одиннадцать месяцев. Высокая температура, фебрильные судороги, сухие хрипы в груди. Бронхит.

– Вы врач?

– Да.

– Фамилия ребенка, адрес, – четко прозвучало на том конце линии.

Евгения на автомате выдавала информацию и когда сказали, чтобы ждали, отключилась. Она вновь осмотрелась и подошла к шкафу, открывая ящики в поисках подгузника. Когда, наконец, нашла, услышала:

– Он единственный, чтобы пойти на прием через три дня, – с возмущением буркнула сестра.

– Я куплю, – огрызнулась Евгения, начиная выбирать вещи, примерно представляя, что необходимо для ребенка в больнице. Оставлять в таких условиях нельзя. – Ты кормишь грудью?

– Нет.

– Смеси?

– Денег нет.

– А чем кормишь?! – возмутилась девушка, совершенно ничего не понимая. Ребенок голодает?!

– Что себе, то и ей... Толку вилок. Не нравится, значит, сытая. Подстраиваться не собираюсь.

Евгения сдержала себя от грубых слов, зная, что сестра может кинуться на нее и тогда будет еще хуже. Справившись с бушующими эмоциями, девушка осторожно сказала:

– Свидетельство о рождении и полис. Я поеду с ней.

– Да пожалуйста! Можешь насовсем забрать! Я хоть выплюсь, – рывкнула Виктория и подошла к шкафу, выгребая все, бросая на пол, вытаскивая помятые документы. Швырнув их на одежду, она хмыкнула и пошла из комнаты, но у двери остановилась и пробурчала:

– Не смей ничего врать про меня. Мать в могилу свела, меня не трогай.

Евгения закрыла глаза, ощущая, как подступают слезы. Секунду тяжело дышала, а потом повернулась к кровати и, протянув руки к девочке, прошептала:

– Все будет хорошо, малышка. Тетя с тобой.

* * *

Больничные каникулы длились неделю. Первые три дня было тяжело, девушка ходила с красными глазами от слез, постоянно бегая за медсестрой на пост, чтобы помогли сбить температуру. Но как только она пошла на спад, Евгения расцвела, понимая, что малышка идет на поправку. Добрая, отзывчивая девушка очаровала своей искренностью. Лишь когда пришли специалисты из органов опеки и попечительства, она запереживала, понимая, что все плохо.

Как прознали про сестру, неизвестно, но прозвучало много вопросов, на которые девушка не знала ответов. Да и ей хотелось дать шанс Виктории. Она думала, что, побыв некоторое время с сестрой и племянницей, поможет им быть ближе, покажет, какой у нее очаровательный ребенок и как надо заботиться о девочке. Разве можно относиться плохо к такой чудесной малышке?

Выписали их после обеда. В два часа принесли выписку, пожелав удачи и здоровья. За свои вещи девушка не переживала, оставила у соседки, считая, что там будет надежнее. У сестры не стала – неизвестно кто в друзьях у Виктории, а у нее не так много одежды, чтобы с ними попрощаться. Да и подарки, которые она со всей душой выбирала, ждали своего часа.

Вызвав такси, Евгения стала собираться. Сестра не отвечала, но девушка не теряла надежды, постоянно звонила. Лишь в первый день удалось дозвониться, чтобы услышать: «Мне некогда. Я, наконец, отдыхаю!». Злость кипела в груди. Липина не понимала такого отношения к своему ребенку, пыталась успокоиться, день не звонила, а потом не выдержала и стала отправлять небольшие сообщения, в которых рассказывала о самочувствии ребенка. Во вчерашнем упомянула, что их выписывают, но ответа так и не получила. Надеялась, что мать явится за ребенком, но нет.

Теплее укутав Маришку, худая девушка побрела на выход, переживая о том, дома ли сестра. Все может быть. Она с детства знала, что без своей связки ключей не попадет внутрь. Сестра никогда не открывала ей дверь, и очень часто приходилось идти в библиотеку, выжидать время, когда вернется отец. Но это тогда... к ней, а сейчас все иначе – у нее на руках маленькая дочка Виктории.

Через сорок минут такси подъехало к дому. Девушка старалась не унывать, но плохое предчувствие не давало покоя. Улыбнувшись малышке, проснувшейся, когда она открывала дверь, прихватила пакет с одеждой и пошла вперед. Снега выпало за эти дни невероятно много. Месячная норма. На детской площадке все было укрыто белоснежным одеялом.

Женя на секунду остановилась, задерживая внимание на детишках, играющих в снежки. Столько счастья в детских глазах, простоты, наивности, бушующих эмоций. Слыша кряхтение маленькой непоседы, девушка поправила шапочку, натягивая на лоб, и поскорее побежала к подъезду.

Оказавшись на нужном этаже, нажала на звонок, но тут заметила, что дверь открыта. Нахмурившись, девушка схватилась за ручку и, медленно потянув на себя, прошла внутрь. В коридоре на линолеуме тонким слоем лежал снег. Никаких следов – ничего кроме снежного полотна.

«Ушла и забыла закрыть балконную дверь? Но снег шел ночью, с утра спокойно, почему нет следов?»

Сглотнув, девушка побрела дальше, чувствуя ледяной холод. Оказавшись внутри, она нахмурилась, отмечая открытую балконную дверь и чистоту в квартире. Странно. Повела головой и заметила множество подушек на диване. Они лежали поверх одеяла на бугре. Понимая, что под ними кто-то лежит, девушка осторожно направилась к дивану. Убрав одной рукой все подушки, чуть дергая одеяло на себя, заметила светлые волосы. Остановилась, с ужасом принимая, что это тело сестры.

Тело...

Евгения закрыла глаза и часто дышала, а затем поспешила в детскую комнату и положила ребенка в кроватку, тут же кидаясь в зал. Присев на колени, она откинула одеяло в сторону и дотронулась до холодной руки. Моментально вздрогнула, а в следующую секунду с силой затрясла ею, не желая верить своим глазам, рвано выдыхая:

– Вика... Вика! – перевела дыхание и со слезами на глазах с обидой воскликнула: – Протыпайся! Я тебе дочь привезла!

Хотелось закричать, потребовать, но она пыталась контролировать себя. Подняла руку, задержав в воздухе на мгновение, и осторожно дотронулась до шеи Виктории, закрывая глаза.

Этого не требовалось. Лишнее. Сестра мертва...

На шее были заметны мелкие кровоподтеки от давления кончиков пальцев, множественные ссадины линейной и полулунной формы от действия ногтей. Отмечалось кровоизлияние в мягкие ткани шеи, переломы подъязычной кости и хрящей гортани.

Девушка всхлипнула, поворачиваясь к двери, где бубнила малышка, и судорожно прижала ладонь ко рту, сдерживая крик. Дыхание становилось все чаще и громче. Женя завертела головой и вновь дотронулась до руки, хрипло умоляя:

– Пожалуйста, вернись.

С силой сцепив ладонями голову, девушка посмотрела на застывшее тело сестры и опустила лицо на заснеженную кровать, не чувствуя холода, сотрясаясь крупной дрожью.

«Этого не может быть. Нет. Не может. Почему? Как же так?!» – повторяла она про себя, желая очнуться вновь в больнице и приехать раньше на день, чтобы предотвратить беду. Женя не верила. Не могла принять жестокую реальность.

Звуки, резкие, рвущиеся изнутри, стали выходить из гортани, и девушка взвыла, находясь в шоке. Сердце сжималось от отчаяния, не давая нормально дышать.

И сестры теперь у нее нет. Она всех потеряла, похоронила. Осталась одна...

Черная тоска кромсала сердце, невыносимая боль рвала на части. Отчаяние. Ярость. Обида. Мольба. До приезда в Москву она так радовалась, что теперь у них с сестрой все по-другому, как у всех. Но нет...

– Тише, тише, – услышала громкий голос, вернувший в реальность. Девушка медленно повернулась и увидела соседку, с печалью поглядывающую на нее. И еще услышала громкий плач ребенка в соседней комнате.

«Когда Мариша заплакала?!»

Женя начала подниматься, но ноги не слушались. Она вновь перевела внимание на окоченевшее тело и сбивчиво пробормотала:

– Она...

Соседка понимающе кивнула и проговорила:

– Ты иди к девочке. Иди. А я... вызову полицию.

– Я... – Евгения заставила себя посчитать до десяти и медленно поднялась, сделала шаг в направлении детской комнаты и спросила: – Ее задушили. Вы ви...

Женщина покачала головой и с недовольством выдала:

– Она все дни вечеринки устраивала. Ругалась я с ней, с ее мужиками днем и ночью. А вот вчера тишина. Проходила в обед – она пылесосила. А сегодня услышала плач ребенка и твои крики. Ты побудь с ней. А я тут.

В комнате было прохладно. Хрупкая девушка сидела у стены на полу и прижимала к себе маленькую девочку не в силах плакать, только смотреть, не представляя, что будет дальше.

На дворе 31 декабря, праздник. Все спешили домой с пакетами, а кто с елками, выкрикивая поздравления. Потрясающие запахи шли со всех квартир, дразня и будоража желудки. Канун Нового года – приятная суeta и чудесное настроение.

Послышались шаги в соседней комнате, и Евгения медленно поднялась, не отрываясь спиной от стены, крепко прижимая к себе ребенка. Для нее праздник превратился в кошмар, и это только начало.

Полиция. Голоса, шум, но никто не заходил в спальню. Женя ждала, со страхом взирая на дверь, пока она не распахнулась, и в комнату вошел высокий мужчина со шрамом на лице, хмуро поглядывающий на нее. Он устало зевнул, огляделся по сторонам и громко произнес:

– Старший следователь, Петров Василий Николаевич. Расскажите, кто вы такая и что знаете.

Глава 3

Наши дни

Декабрь

Евгения спешила в аудиторскую компанию, в которой работала невеста Громова. Информацию ей дала хорошая знакомая, Новикова Полина, работающая секретарем полковника СК. О своей работе женщина не говорила, лишь иногда, порой нелестно. Сразу она отказала Липиной, напоминая, что незаконно, но после отчаянных объяснений, заверений, что это очень важно, помогла. По расшифровкам телефонных звонков выделили номера всех женщин и вышли на Колину Людмилу Олеговну, которую она узнала из журнала. Теперь дело за малым – сообщить невесте, что ее мужчина в больнице. Женя верила, что еще немного и все решится, ведь если судить по информации – до встречи с Громовым Людмила была обычным бухгалтером в маленькой фирме, а любимый мужчина помог ей с бизнесом. Теперь она поможет ему встать на ноги. Это естественно, когда любишь.

Оказавшись рядом со зданием, Евгения перевела дыхание и уверенно открыла дверь. Забежала внутрь, тут же ощущая согревающее тепло. На улице стало холодать. С утра ударил мороз.

– Добрый вечер! Вы по какому вопросу? – вежливо поинтересовалась высокая красивая девушка в белоснежной блузке, черной юбке и в красных туфлях на высоком каблуке. Женя улыбнулась и с надеждой проговорила:

– Здравствуйте, Елена. Я звонила. У меня вопрос к Колиной Людмиле Олеговне.

– Ах да. Простите, но вы опоздали. Людмила Олеговна уже собирается на важную встречу.

Расстроившись, что опоздала, но, не жалея, ведь ее ждали маленькие детки с температурой, Евгения развела руками и проговорила:

– Простите, много вызовов – зимой дети часто болеют. Не могла иначе...

– Вы педиатр? – с улыбкой спросила женщина.

– Да, лечу маленьких и самых любимых.

– Хорошее дело! У меня сынок. Правда, уже не маленький, в девятом классе.

– Но любимый! – весело заметила Женя, искренне улыбаясь.

– Это точно! – с восторгом согласилась приятная собеседница, тут же поглядывая куда-то в сторону. Она задумалась и тихо сказала: – Подождите здесь. Я сейчас предупрежу, что вы пришли. Может, получится все же. Людмила Олеговна уже собиралась, когда я заходила.

– Огромное спасибо, – сказала Евгения, надеясь, что ее примет невеста Громова.

Через несколько минут показалась Елена. Она очаровательно улыбнулась и с восторгом сообщила:

– Прошу в кабинет. Людмила Олеговна согласна вас принять.

Глянув на свой старый пуховик, Женя расстегнула замок и пошла вперед, снимая верхнюю одежду, чтобы не спариться. В помещении было невыносимо жарко.

Оказавшись в кабинете, она увидела красивую женщину. Сейчас она выглядела иначе, чем на обложке журнала. Деловая, смелая, невероятно красивая. Женя смутилась, чувствуя неловкость, но, вспомнив, зачем здесь, моментально воспрянула духом.

– Здравствуйте, Людмила Олеговна. Я Липина Евгения.

– Здравствуйте. По какому вопросу ко мне?

– Я... по личному. Пришла сообщить, что вас жених, Громов Андрей, сейчас в больнице. Он попал в аварию и завтра его выписывают. Позвонили мне, так как... – Женя замялась, не зная как рассказать и стоит ли, ведь женщина может не так понять их брак, и продолжила: –

Понимаете, три года назад у нас был фиктивный брак, поэтому случайно позвонили мне. Я говорила о вас...

Женщина вздохнула и, поставив папку на полку в шкаф, пошла к рабочему столу. Серое платье, черные сапоги, на шее кольцо, строгая прическа – женщина выглядела эффектно и умела красиво подать себя. Она села в кресло и лениво протянула:

– Евгения, я не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете.

Застыв на месте, Липина закусил губу, понимая, что все идет не так. Или она неправильно выразилась? Обидела? Она сделала шаг вперед и уже спокойнее проговорила:

– Ваш жених...

– Он мне больше не жених, и на этом остановимся.

– Но... – Евгения не понимала, ее мозг тяжело перерабатывал информацию, потому что она не могла принять жестокие слова, – вы собирались пожениться. Андрей...

– Инвалид, бездомный и... без денег. Да, я знаю все, была в больнице. Но согласитесь, невероятно много минусов. Зачем такой мне? Богатой и успешной. К тому же... у меня появился новый мужчина и скоро планируется свадьба.

– А как же Андрей? Он ведь один... и не помнит...

– Я знаю. Все знаю. Не нужно мне тут плакаться. Решили пристроить несчастного инвалида в теплое местечко? Не выйдет. Я не записывалась в кружок сестер милосердия. Вижу, это по вашей части. Так в чем дело? Дерзайте пока актуально.

– Сейчас он беден, но все в момент может поменяться. Как и болезнь. Вы знаете, нельзя так поступать, откидывая столь жестоко людей. Вы здоровы, и это замечательно. Но никто... никто не застрахован от болезней. Иногда вышел на улицу, поскользнулся и...

– Милочка, вы отнимаете мое время. Я опаздываю на свидание с любимым мужчиной, – рявкнула с презрением Колина. Элегантная женщина поднялась и подошла к шкафу-купе, достав шубу и накинув на себя. Пока застегивалась, с ухмылкой смотрела на растерянную рыжую особу, которая с силой сжимала ткань дешевого пуховика.

«Занесло же в мой кабинет эту церковную мышь. Как бы ни сглазила мне богатых клиентов. Нужно сказать Лене, побрызгать дорогими духами, а то от нее пирогами несет. Тоже мне... явилась благородная», – думала она, уверенно двигаясь к женщине. Оказавшись рядом, она нагло провела языком по губам и весело посоветовала:

– Ты возьми его себе, приголубь, ухаживай, может, и получится, чтобы он сексом смог заниматься. Громов красавчик – единственный шанс для такой женщины, как ты. Считай, я тебе одолжение сделала.

Евгения поменялась в лице. Она сделала шаг к Людмиле и гневно процедила:

– Еще недавно вы были в долгах. Вся эта роскошь благодаря ему. Громову! Только ему. Он вытащил вас из грязи, и теперь называете его инвалидом?! Ни капли сочувствия и заботы? Змея!

– Да как ты смеешь? Лена! Тут...

– Правда не нравится? Ничего. Послушайте! Полезно... – отчаянно воскликнула Евгения, переходя на крик: – И еще... Да, я попытаюсь помочь ему, сделать все, чтобы он встал на ноги, и уверена, так и будет, и не потому, что мне с богатыми красавцами не светит. Но вам не понять. Это вас любят за внешнюю оболочку. А еще есть сердце.

– Наивная гусыня! О чем ты говоришь?! – раздраженно рявкнула Колина.

– Пусть так! У нас разные понятия, и доказывать я ничего не собираюсь. Вы этого не стоите.

– И кто мне это говорит?

– Нужно быть человеком, а я вижу перед собой дрянь.

– Да ты кто такая? – закричала Людмила, удивляясь наглости этой идиотки, а ведь такая тихая и добрая явилась, а на самом деле язык как у змеи.

Дверь открылась и в кабинет вбежала Елена. Она непонимающе смотрела на двух женщин, готовых наброситься друг на друга, а потом с волнением выдавила:

– Людмила...

– Евгения уже уходит! Сейчас!

– Да, конечно.

– И запишите себе, чтобы ее больше никогда не пускали сюда и не соединяли со мной.

Секретарша пораженно посмотрела на побледневшую Евгению и вежливо проговорила:

– Евгения, вы...

– Да, я уже ухожу, – заверила Женя, понимая, что еще немного и разревется.

Нужно успокоиться. Обида и разочарование буквально накрыли с головой. Так и не одевшись, она уверенно пошла на выход. Лишь у двери задержалась и, не оборачиваясь, сказала:

– Я желаю вам счастья. Пусть оно будет таким, каким вы его заслуживаете.

Не желая слушать ехидного ответа, Евгения покинула кабинет и вышла на улицу, лишь в этот момент понимая, что стоит в платье, а в руках одежда. Шмыгнув носом, она натянула на себя куртку, застегнулась, и, оглядевшись по сторонам, побрела по тропинке. Через три дома где-то припарковалась. Теперь нужно найти машину.

О том, что произошло, Липина старалась не думать. У нее много других забот и они куда важнее гнилой невесты с черным сердцем. Конечно, Евгения совсем не ожидала такого поворота, но вышло так. А значит – завтра она забирает Громова из больницы и везет к себе. Как это все будет, она не представляла, но скоро узнает.

* * *

Тяжелый день продолжался. Остановившись у больницы, девушка с улыбкой посмотрела на пакет, где лежал вкусный кекс с изюмом. Евгения с дочерью вместе пекли, надеясь, что Громову понравится. Вчера вечером, когда она забрала свою девочку у соседки, услышала много грубых слов на тему, что не нужно заводить детей, если нет на них времени. Евгения понимала, что ворчания женщины обоснованы и никого не волнует, что она опаздывает, если должна забрать в конкретное время, поэтому отдала деньги за дополнительные часы и положила на стол коробку конфет, что купила по дороге. Ей не хотелось объясняться, оправдываться, и не было сил. Слишком устала для этого.

Взяла Маришку за руку и повела домой, а потом они вместе поужинали и начали стряпать. Женя поведала своей девочке о том, что это вкусный сюрприз одному грустному дяденьке, который временно не может ходить. Маленькая красавица с добрым сердцем очень старалась помогать маме с приготовлением кекса, приговаривая: «Дядя будет рад нашему подарку, и на его лице появится улыбка».

Женя провела пальцами по пакету и, взяв за ручку, осторожно переложила на ладонь, придерживая второй рукой. Вышла из машины и поспешила в больницу, надеясь, что ее пропустят. Через десять минут приемные часы закончатся.

Ей повезло, и ее пропустили, сказав, что может задержаться, если необходимо. Было приятно. Сердечно поблагодарив седого охранника, Липина поспешила к нужной палате и, быстро постучав, заглянула, не дожидаясь приглашения от Громова.

Совсем она не ожидала увидеть мужчину обнаженным до пояса. Евгения застыла на месте. Она изумленно смотрела, широко открыв рот, а в следующую секунду ойкнула и отвернулась, поспешно выдыхая:

– Простите, я...

Громов внимательно наблюдал за странной рыжей девушкой, а потом насупился и с недовольством схватил белую футболку, единственную чистую, что осталась на замену. Вещи пере-

дал бывший друг по просьбе персонала. Андрей натянул ее на влажное тело после нелепых умываний в ванной комнате, когда просто мочил спину и грудь, и грубо произнес:

– Зачем пришла?

Женя посмотрела на пакет, в котором лежал пирог, и медленно повернулась. Увидев, что мужчина натянул футболку, она побрела к нему, ощущая волнение и неудобство. Остановившись у тумбочки, она с улыбкой прошептала:

– Вчера вечером с дочкой пекли. Она очень старалась. И вот... сладкий чай в термосе, – Евгения смущенно говорила, выкладывая на бумажную тарелку миниатюрный кекс с изумительным запахом. Разрезав на куски, она принялась наливать в кружку чай, улыбаясь, пока не посмотрела на мужчину.

Вздрыгнула, отмечая гнев в его темно-серых глазах. Громов бешено смотрел, а затем процедил:

– Убирайся! Мне не нужна жалость.

Женя сглотнула и сделала шаг назад. Она перевела взор на пирог, не понимая агрессии, и уверенно проговорила:

– Андрей, извините, думала, вам будет приятно. Мы от души.

Чего женщина не ожидала, так это резкого размаха руки, отчего все полетело в стороны. Чай из кружки разлился на полу, а куски оказались на простыне. Мужчина буквально кипел от ярости, а женщина не двигалась. Убивая колючим взглядом, Громов рывкнул:

– Уходи! Слышишь?

Тяжело дыша, Евгения досчитала до десяти и молча сделала шаг к кровати, начиная подбирать трясущимися руками куски, обещая себе, что больше не будет столь наивной душой. Не хочет – ладно. Предлагать свое – это одно, а вот когда даришь что-то от ребенка, который душу и нежность вкладывал в каждый кусочек этого пирога – это совсем другое.

Мозолистая ладонь легла на хрупкое запястье. Женя подняла взгляд и посмотрела на мужчину, который странно насупился и только хотел сказать, но она вырвала руку и ледяным тоном пробубнила:

– Я ухожу! Не переживайте, больше подобного не повторится.

Липина еще раз посмотрела на разломанные куски и, взяв пустой пакет на тумбочке, медленно пошла к двери. Уже в проходе проговорила:

– Завтра... я смогу вас забрать после шести. Раньше никак. И я буду с дочерью. Мне от вас ничего не нужно, но для нее постарайтесь держать себя в руках. Для такого человека, как вы, это не составит труда. Надеюсь. И... когда она спросит про кекс, то... скажите...

Женщина замялась, не зная, как просить взрослого мужчину обмануть ребенка. Она не хотела, но не могла рассказать дочери то, что произошло. Ее галчонок не заслуживает такого.

Пожав плечами, ругая себя, что начала этот разговор, Евгения сжала пустой пакет и без пояснений направилась к двери. Она удивлялась себе, что стерпела, но не драться же ей с ним. Что же... теперь она научена, повторных ошибок постарается избежать. Конечно, не даст Громову умереть с голода, будет ставить на стол, заботиться, но так, чтобы это ее не задевало и особенно дочь. Если ему так легче, то хорошо, напрашиваться и надоедать никто не будет.

* * *

– Почему грустишь? – спросила Евгения дочку, поворачивая на светофоре в сторону больницы.

– А если я не понравлюсь дяде Андрею? – с волнением спросила Марина, хмуря носик.

Вчера состоялся важный разговор. Женя весь вечер не находила себе места, не зная, как сказать, что теперь с ними будет жить мужчина. Да она сама не верила, но понимала, что выхода нет.

Уже ночью, укладывая малышку, она призналась. Вышло по ее словам так: хороший дяденька очень сильно заболел и ему нужно помочь, и они не могут отвернуться. Именно так видела и понимала Евгения. Женщина считала, что он пробудет у них не так долго, как может показаться. Только мужчина встанет на ноги, он сам уйдет, стремясь к той жизни, к которой привык.

– Ты обязательно понравишься. Ведь ты у меня солнышко.

– А если он не любит солнышко?

– Солнышко любят все. Оно теплое, ласковое и дарит надежду.

– Правда? Я ему понравлюсь? – с надеждой спросила девочка, прижимая к груди маленькие ручки.

– Обязательно! – уверенно воскликнула Женя, отмечая белоснежный пуховик. Недавно приобрела в детском магазине. На себе могла экономить, а для дочери старалась брать теплое и хорошего качества.

Подъехав к больнице, мама с дочкой вышли и направились к крыльцу. Евгения ужасно нервничала. Она не знала, что ожидать от Громова после вчерашнего.

Когда они подошли к палате, Евгения постучала. Не отпуская хрупкую ладошку ребенка, женщина поплелась внутрь. Увидев полностью одетого мужчину в кресле-коляске, она кивнула ему, с волнением вглядываясь в суровое лицо, и проговорила:

– Добрый вечер, Андрей. Это Марина...

– Я солнышко. А ты любишь солнышко? Мама сказала, что все любят.

Мужчина внимательно смотрел на светлую девочку, прищуриваясь, хмурясь, о чем-то размышляя, а потом протянул:

– Люблю.

Счастью ребенка не было предела. Она кинулась к нему, но Женя задержала за руку и прошептала:

– Милая, подожди. Мы...

– Мама, я помню, что нельзя постоянно говорить... – с улыбкой протараторила девочка и пошла вперед, засовывая ручку в карман и тут же протягивая конфету мужчине, с радостью выдавая:

– Это тебе от меня. Паша угостил, чтобы я улыбалась. Я упала и горько плакала. Он очень добрый.

Евгения затаила дыхание. Маришка у нее росла шустрой девочкой и неудивительно, что она уже через минуту общения пыталась подружиться с незнакомым человеком, о котором ей рассказывали. В садике ее очень любили воспитатели и дети. Ласковая и добрая. Иногда Женя удивлялась, ведь Вика никогда не была такой, но потом решила, что в бабушку.

Мужчина сжал губы, не двигаясь, но, отметив в глазах ребенка отчаяние, и с каким огорчением она посмотрела на конфетку в дрожащей ладошке, выдавил:

– Если только обмен. Ты любишь печенье?

Сверкающее личико сказал о многом. Маленький ребенок довольно улыбнулся, показывая белые зубки, и украдкой посмотрела на маму, спрашивая разрешения.

Женя кивнула, не скрывая улыбки, и тогда Марина радостно воскликнула:

– Люблю! Я все люблю! Но мама говорит, что зубы будут плохие, если много есть сладкого.

– В пакете фрукты и печенье. Это для тебя, – сказал мужчина спокойным тоном, а потом добавил: – Спасибо... – сделал паузу, – за кекс. Вкусный.

– Правда? Мы с мамой старались. И сами не ели. Очень надеялись, что тебе понравится. И я даже изюм не вытаскивала, а обычно...

Дверь распахнулась, и в палату вошел Леванов. Заметив девочку, он подмигнул ей и весело сказал:

– А я думаю, что за звонкий голос и так светло стало. А тут, оказывается, нас посетила гостья.

– Это я пришла с мамой, – довольно выдала Марина, начиная крутиться на месте. – Мы за дядей Андреем. А дома воздушные шарiki приготовили для него. Целых пять!

Евгения закусила губу, со вздохом принимая, что дочка все рассказала. Всем. Но так всегда. Не умела она держать в себе то, что ее очень волновало. Женщина осторожно посмотрела на довольного лечащего врача и перевела взгляд на Громова. Он вел себя странно. Пытался не реагировать, но в глазах пылала растерянность. Может, и лучше. Дети – они как катализатор, только не в химической реакции, ускоряя процесс, а в жизни, показывая нутро человека. И то, что Женя видела, давало надежду.

– Евгения, если вы не против, я бы хотел с вами поговорить.

– Да, конечно, – сказала она и повернулась к дочери. – Мариша, – позвала, желая забрать, но малышка уже копошилась в пакете и с мольбой проговорила:

– Мамочка, я останусь с дядей Андреем.

Изумление появилось в глазах женщины. Она смутилась и кивнула, так и не взглянув на мужчину. Решила попросить Леванова, далеко не уходить. На всякий случай.

– А вам, Андрей Николаевич, я все выдал. Желаю скорейшего выздоровления. С такой семьей как у вас, я верю, что так и будет, – произнес мужчина и направился к двери, а Женя поспешно за ним, чувствуя неловкость, особенно когда почувствовала прожигающий взгляд Громова.

Глава 4

Подъехав к дому, Женя припарковалась у подъезда. С отчаянием сжала руль тонкими пальцами, не в силах отпустить. Нервничала. Конечно, Громов привык к хоромам, а у нее двухкомнатная квартира, точнее – полторашка. Первые жильцы из гардеробной сделали комнатку, и теперь там спит ее нежная девочка. Квартира была просторной, но пустой. Самое необходимое, но по приемлемой цене. Мать врача с другого участка переехала к сыну в Красноярск, и квартира осталась бесхозной. Хозяйка не хотела сдавать, пока ее не будет, но согласилась, когда к ней пришла хрупкая, но настойчивая девушка с ребенком на руках. Через месяц добрая женщина снизила цену почти вдвое, попросив отправлять деньги на указанный расчетный счет в банке и самостоятельно решать любые вопросы без ее участия.

Вспомнив наставления врача, рекомендации, пожелания, Липина вздохнула. Даже не представляла, как будет справляться. Тяжело. Маленькая непоседа, работа на огромном участке, домашние хлопоты. Женщина не успевала с дочерью быть, а тут забота о взрослом мужчине. Нужно объяснить ситуацию заведующей. А значит, придется признаться, что есть муж.

Евгения вздрогнула, испугавшись этого слова. Она так не считала. Да и как? Громов помог ей, и она испытывала благодарность, но чтобы думать о том, что не следует, даже не рассматривала вариант.

Выбравшись из машины, некоторое время стояла, вдыхая ледяной воздух, но, понимая, что ночь и ее ждут, бросилась к пассажирской двери. Когда Маришка стояла в метре от нее, напевая детскую песню, Женя достала из багажника кресло-коляску, чтобы помочь мужчине. Ни одного слова от него не услышала, даже когда поднимались по лестнице на первый этаж. Все молча. Лишь тяжелое дыхание выдавало состояние мужчины. Он волновался.

Открыв дверь квартиры, Женя глянула на лицо мужчины, но не увидела ничего. Громов вел себя безразлично. Зная, что для него это нищенские покои, постаралась не думать. Выхода у них нет.

– Зайка, раздевайся и иди пока в кухню, а мы скоро будем.

– Будем кушать плов и пить компот? – весело уточнил ребенок.

Женя вздрогнула, отмечая, с каким недовольством скривился мужчина. Она помогла малышке раздеться и, дождавшись, пока Маришка убежит, рванула в ванную. Намочив тряпку, вернулась, начиная протирать колеса после улицы. Липина злилась, особенно отмечая ярость в глазах мужчины. Конечно, все так, как она ожидала. Ему радоваться нечем, и еще вынужден жить в таких условиях. Евгения понимала, но она всем поделилась, что у нее есть. Разве в чем-то есть ее вина?

– Не стоит так отрывисто показывать свое негативное отношение.

Молчание в ответ. Женя зажала тряпку в ладони и произнесла:

– Ужин...

– Я не хочу.

– Проезжайте в зал. Там можете отдохнуть, если все же не пожелаете с нами ужинать.

Решив, что больше не стоит задерживаться, Женя с тряпкой поторопилась в ванную, споласкивая и бросая на змеевик. Посмотрев на бледное лицо, девушка обняла себя за плечи и медленно пошла в кухню. Увидев закрытую дверь в коридоре, поняла, что Громов в зале, застопорилась и пошла следом, переживая, что обидела словами.

Осторожно открыв дверь, женщина увидела Андрея около окна. Он с какой-то обреченностью смотрел, будто презирал весь мир. Понимая, что не может оставить его в таком состоянии, подошла ближе и заметила:

– Если что-то понадобится...

– То, что мне нужно, у тебя нет, – прозвучал грубый ответ.

«Деньги...» – Женя закусил губу и прошептала:

– Я понимаю, что тебе здесь не нрав...

– Разве кто-то меня может понять? – с усмешкой процедил мужчина: – Я даже не помню, что со мной произошло, особенно почему я решил из-за проблем убить себя. Не понимаю. Бред.

– Эмоции. Человек в состоянии...

– Да? Так считаешь? А брак с тобой? В каком я состоянии был? Не знаю... Беременность? Марина чья дочь? Единственное объяснение. Дать ребенку свое имя и не жить – не понимаю.

– Она не твоя дочь, и больше я не хочу слышать твоих гневных размышлений. Я ничего...

Мужчина резко повернулся и грубо процедил:

– Знаешь, я знал, как ты живешь. Предполагал. Нет, даже был уверен в том, что здесь в несколько раз хуже, чем может быть.

Девушка побледнела, чувствуя, как просыпается обида и понимание, что нужно идти, но все же спросила:

– И почему хуже?

– А сама не догадываешься?

– У нас разные представления. Не хочу судить, когда не знаю.

– Намекаешь на меня?

– А разве не так?

– Объясни мне, почему я женился, когда не собирался, и еще записал чужого ребенка на себя? Я понимаю, когда мой, да, тогда бы сам предложил, но не женился. И да, уверен, моя бы жена не жила в такой норе. Так что с тобой не так, раз не заслужила?

Женя не могла поверить, что слышит подобное. За что?! Надо же, оказывается – заслужить нужно. Но ведь он три года назад предлагал деньги, но просто так, а она отказалась. А теперь вот такой поворот.

– Я к дочери, – произнесла она и только повернулась, чтобы уйти, как услышала грубый вопрос:

– Мы с тобой спали? – в словах бурлили ярость, раздражение и требование.

Сглотнув, чувствуя себя грязной после их разговора, Женя закрыла глаза и честно сказала:

– Нет.

– Тогда почему я взял тебя в жены? Ты меня шантажировала? Портила мою жизнь? Я ничего не помню... Абсолютно ничего! Четыре года бесследно стерты.

– Я... не знаю, почему нас не развели. Не знаю, как ты жил это время. Я тебе благодарна за то, что ты мне помог с дочерью, а остальное...

– В здравом уме я бы не совершил такого идиотского поступка. Бред. И я не считаю тебя своей женой...

– Как только будет возможно, мы разведемся, а пока тебе негде жить...

– Решила воспользоваться ситуацией? Надеешься...

Ощущая слезы на щеках, Женя повела головой и, стараясь придать голосу безразличие, проговорила:

– Как встанешь на ноги – уйдешь. Никто тебя не держит. Все зависит только от тебя и твоего желания ходить. Но... не нужно унижать меня и мою дочь. Я тебя не принуждаю быть здесь, лишь стараюсь помочь.

– Мне не нужна помощь!

– Не нужна помощь? Глупо. Знаешь, я считала Громова Андрея справедливым, сильным и умным человеком, а сейчас понимаю, что ошибалась.

Не желая продолжать отвратительный разговор, женщина поспешила вперед, но у двери услышала громкий приказ:

– Женя, подойди!

Не посмотрела, не обернулась, просто шла, сдерживая себя от желания вытереть слезы. Не сейчас. Не хотела, чтобы Громов видел ее слабость.

Евгения напрямик спешила в ванную, чтобы ополоснуть лицо. Постояв некоторое время у стены, моментально сорвалась, услышав голос дочки. Добежав за две секунды до кухни, она увидела Маришку, с грустью посматривающую на стол. Она подняла расстроенное личико и жалобно пролепетала:

– Мамочка, я есть хочу.

Женя улыбнулась и прошептала:

– Все, ручки иди мой и...

– Я уже много раз мыла.

– Отлично, тогда сейчас приступим, – как можно веселее проговорила Липина, накладывая в тарелку плов из казана.

– А дядя Андрей с нами? Ему нужно много кушать и тогда нога перестанет болеть.

Застыв с ложкой в руке, Женя открыла рот, не зная как сказать, что его не будет. Она открыла рот, прокручивая слова про отдых, но тут же пораженно застыла, слушая громкий голос мужчины.

– Уже здесь.

– А мы заждались! – воскликнула девочка, ерзая на стуле. Она повернулась к плите, секунду наблюдая за матерью, а потом счастливо поделилась: – Мама, дядя Андрей пришел!

Евгения кивнула и, взяв со стола тарелку, насыпала плов, решив для себя, что не будет реагировать на слова мужчины. Она не смотрела в его сторону, хоть и чувствовала, что Громов наблюдает за ней. Больше разговаривать с ним по поводу брака не собиралась. Она все поняла и в подобных беседах не желала участвовать.

Ужин проходил под веселое щебетание ребенка. Женя задавала вопросы про садик, совершенно игнорируя мужчину. Лишь встрепелась, чтобы налить чай, когда заметила, что мужчина не притронулся к компоту. Решила, что не любит.

Она думала, что Громов будет ковыряться, но нет. Съел, притом быстро, не сказав ни слова. Дальше все пошло как обычно. Домашние хлопоты, сказки на ночь и готовка на следующий день. Ее новая обязанность, ведь в доме появился мужчина, который не в состоянии о себе позаботиться. Евгения поставила мясо вариться на борщ и отправилась разбирать диван в зале. Не желая ссориться, Женя как можно быстрее управилась и пошла в детскую, чтобы разложить матрас. Два дня его вычищала от пыли, грязи, запаха – на балконе много лет стоял. Еще с тех времен, когда в общежитии жила после продажи квартиры.

На часах – одиннадцать ночи. Хотелось спать, но не могла себе позволить. Понимая, что мужчине необходимо помочь перед сном, накрыла уснувшую дочь одеялом и осторожно побрела в зал. Заметив, что Андрей сидит в кресле-коляске у окна, предупредила:

– Завтра позвоню массажистке. Она...

Мужчина молчал. Не говорил ни слова. Евгения замялась, а потом все же продолжила:

– Она покажет, расскажет, и нужно будет ежедневно делать упражнения. Врач порекомендовал массаж, электростимуляцию мышц, упражнения в воде, и мы будем все соблюдать, – сообщила она, не представляя, сколько будет стоять, но, зная, что все пройдет.

На счете есть деньги – временно снимет, позже вернет. Это на черный день. Липина старалась не лезть в них, лишь тогда, когда было совсем тяжело. Сейчас как раз такой случай. Снимать квартиру – дорогое удовольствие, но не в ее случае. Поэтому Женя не думала о собственной квартире. Не потянет ипотеку. Да и дадут ли ей кредит? Это большой вопрос.

– Еще нужно посетить реабилитационный центр.

Мужчина кивнул, чем удивил, а потом произнес:

– Евгения, ты... извини. Я...

– Не стоит начинать эту тему. Прошу не возвращаться к ней.

Сурово глянув на женщину, заостряя внимание на лице, мужчина нахмурился. Он взъерошил рукой волосы и устало спросил:

– Где сама ляжешь?

– С дочерью. Уже постелила. Не думай об этом. Если нужна моя помощь, то ...

– Я сам... справлюсь, – сухо произнес он, и женщина смущенно провела рукой по плечу.

Включив светильник, Евгения пошла на выход, нажимая на выключатель.

Оставшись наедине со своими мыслями в пустой кухне, Липина задумчиво смотрела на скатерть. Не верила, что Громов Андрей вновь в ее квартире. Надо же... Вздохнула, а потом начала шинковать капусту, надеясь, что все будет хорошо.

* * *

Прошло три недели, а Евгении казалось, что полгода. За это время она не знала отдыха: прием пациентов, беготня по вызовам, Маришка, готовка, домашние хлопоты и несколько часов на сон. Евгения понимала, что так нельзя, но не видела другого выхода, обещая себе, что такой график лишь на время. Ко всему добавились вызовы с десятого участка вместо того, чтобы разгрузить одиннадцатый, самый большой из всех, который не желали брать педиатры, со временем подавая заявление на перевод. У врача десятого участка маленький сын сломал ногу, и теперь Солькина оформила больничный, честно предупреждая, что надолго. Женя сочувствовала, но осознавала, что с такими темпами сама окажется в палате под капельницей.

Когда получалось, прибегала в течение дня домой, чтобы пообедать. Быстро кушала и бежала назад, не забыв поставить еду на стол для Андрея. Вечером забирала дочку из сада и отводила к соседке, доплачивая за дополнительные часы. Узнав, что в квартире Липиных проживает мужчина, старая женщина была крайне недовольна, считая, что раз так, то с ребенком после семи может посидеть и он. Не желая сплетен, Женя объяснила, что это муж, но он в инвалидном кресле после аварии, ему нужно отдыхать и восстанавливаться.

Странные отношения с Громовым настораживали. Андрей с ней почти не разговаривал, впрочем, как и с дочерью. Изредка, когда девочка бегала около него, по несколько раз повторяя просьбы или вопросы. Решил держаться нейтрально, как понимала Евгения. Мужчина только внимательно наблюдал, изучая, что часто замечала Евгения. Чем занимался весь день – она не знала. Женщина приходила домой в восьмом часу вечера, уходила рано утром.

Массажист посетил на следующий день после выписки из больницы. Корректная женщина, настоящий профессионал своего дела, как говорили про нее больные, показала, как правильно делать упражнения, десять дней работая с Громовым, после рекомендуя специальные занятия на тренажерах в Центре реабилитации, оставляя данные хорошего доктора. Женя внимательно наблюдала за работой массажиста, пробуя, стараясь повторять, а когда женщина похвалила ее, начала сама, стараясь не обращать внимания на пронзительные взгляды мужчины. Громов молчал, но терпел, стиснув губы, с силой хватаясь за спинку дивана руками, сжимая с такой силой, что иногда Жене казалось, ломает его. В воздухе клубились раздражение, ярость и безумное желание встать на ноги. Женщина радовалась, пусть в душе не понимала, почему она ему так противна.

Наблюдая за тем, как Громов долгое время смотрит на ноги, пытаясь пошевелить ими, Евгения уходила к дочери или на кухню, чтобы не показать, как наслаждается его упорством. Андрей занимался зарядкой, но старался тогда, когда их не было дома. Женщина искренне радовалась, что Громов хотел выздороветь и стремился к этому, но ее помощь его напрягала, ведь на врачей он спокойно реагировал.

Взглянув на белоснежное платье, которое нужно было обшить мишурой для новогоднего утренника, Женя вздрогнула, когда позвонили в дверь. Девять часов.

Дочка смотрела мультик, красуясь в пижаме, Андрей лежал с закрытыми глазами на диване и слушал. Полчаса назад Евгения предложила им уйти, но мужчина буркнул, чтобы они оставались на месте. Послушалась, в зале был самый яркий свет, и шить лучше всего здесь, пока в духовке поднимался картофельный пирог с курицей в молочном соусе.

Отложив мишурку в сторону, Женя поднялась и поторопилась к двери. Мысль, что у кого-то из соседей заболел ребенок, единственное, что приходило в голову. Ее частенько просили заглянуть, и она никогда не отказывала.

Открыв дверь, Женя приветливо улыбнулась, но тут же ее улыбка померкла, когда увидела Кротова, отца маленькой Марины. Она пораженно смотрела на мужчину, которого считала мужем сестры, но на самом деле все оказалось мерзко и подло по отношению к ребенку. Чтобы получать деньги от государства, сестра оформила пособие как мать-одиночка, и она никогда не состояла в браке с Александром. Слова оказались ложью, чтобы похвастаться перед ней. Евгения не раз вспоминала их, когда после похорон девочку увезли в приют, сообщая, что по документам у нее нет отца. А когда Липина кое-как нашла богатого отца, то столкнулась с таким презрением, грязью, что и не могла подумать о новой встрече.

Облизнув губы, чувствуя, как становится тяжело дышать, женщина посмотрела в сторону коридора, где со стороны зала слышался заливной смех дочери. Сглотнув, Женя вышла к мужчине и прикрыла дверь, выдавливая из себя:

– Добрый вечер. Что вам нужно?

Кротов усмехнулся и нагло протянул:

– Я пришел увидаться с дочерью. Хочу восстановить свои права и забрать девочку.

Дрожь прошла по телу. Евгения затряслась, чувствуя, как задыхается от возмущения. Она с силой дернула дверь, чтобы никто не услышал, и резко отчеканила:

– Не понимаю, о чем вы, Александр?! Со мной живет только моя дочь, и с ней я не собираюсь никого знакомить. И видеть вас я не хочу. Вы были любовником моей сестры и даже на похороны не явились. А про ребенка... Насколько помню, когда пришла к вам, вы мне популярно объяснили, что думаете о том, кто вырастет из этого ребенка. Не буду утруждать вас напоминаем о яблоках и яблонях, но настаиваю на том, чтобы вы больше здесь не появлялись.

– Я тогда перегнул палку, сказал лишнего. Но сейчас все изменилось. Я попал в аварию и у меня больше не будет своих детей, поэтому я верну то, что принадлежит мне.

«Он говорит про маленькую девочку или куклу?!»

Ярость сжала сердце. Липина сделала шаг к мужчине и процедила в лицо:

– Никогда этого не будет! Она моя дочь!

Послышался громкий смех – Кротов забавлялся ситуацией. Когда успокоился, он повел челюстью, потирая подбородок, и произнес:

– Что же... я хотел по-хорошему. Теперь будет по-плохому. Надеюсь, ты не думаешь, что можешь со мной тягаться? Кто я и кто ты?!

Женя смерила «гостя» презрительным взглядом и отвернулась, взявшись за ручку. Открыла дверь, но, не выдержав, обернулась и процедила:

– Я подскажу... кто вы. Мразь, недостойная рядом стоять с моей светлой девочкой.

– Ты что себе позволяешь? – с возмущением процедил Кротов, хватая женщину за руку, с силой сжимая, причиняя боль.

Евгения вскрикнула и вырвала руку. Она сжала пальцы в кулаки и дрожащим голосом проговорила:

– Делай что хочешь, но никто не заберет ее у меня. А если бы ты действительно хотел ей счастья, то оставил нас в покое.

– Счастья? В этой помойке? Здесь может быть счастье? Не пори чушь!

– И кто мне это говорит? Мужчина, который в жизни не работал и жил на всем готовом?

Слова выбили из привычной колеи мужчину. С ним так никто не смел разговаривать! Он дернулся к рыжей девчонке и схватил за локоть, второй рукой надавливая на плечо.

– Сейчас я владелец крупной фирмы и у меня большие связи. Чтобы ты там не пицала, со мной тебе не справиться. Советую по-хорошему отдать, либо жди неприятности.

– Я...

– Руки от нее убери! – послышался ледяной тон позади женщины. Евгения обернулась и увидела у распахнутой двери Андрея в кресле-коляске. Он с яростью смотрел на мужчину, свирепо уничтожая взглядом.

Глава 5

Вздвогнув, Женя попыталась вырваться, но мужчина не отпускал. Он с ухмылкой смотрел на вырывающуюся красавицу и проговорил:

– И кто этот инвалид? Еще один груз, который решила взвалить на себя? Так нравятся сложности? Я могу их тебе устроить.

– От такого ничтожества другого ожидать не стоит, – прогрохотал Громов, выезжая вперед, молниеносно перехватывая сильной рукой запястье мужчины, откидывая в сторону. Кротов выдал визгливый рев и, отступив на шаг, с яростью выдохнул:

– Да как ты смеешь меня трогать? Я...

– Гнида, – рявкнул Андрей и, кивнув в сторону лестницы, добавил: – Убирайся. Есть вопросы – будем решать в судебном порядке. Посмотрим, насколько тебя хватит. Но тебе ничего не светит.

– Да кто ты такой, чтобы говорить за нее? Я не к тебе пришел.

– Я ее муж, – ледяным тоном проинформировал Громов, мечтая заехать выродку по морде.

– Калека? Думаешь, сможешь помешать мне?

– Не думаю, уверен. С трусом я и на кресле-коляске справлюсь. Так что убирайся, – грозно рявкнул он, заостря внимание на испуганной девушке, дергающей от волнения огромную футболку, закрывающую стройное тело, и попросил: – Женя, заходи, простудишься.

Липина недоуменно кивнула, не понимая, к чему он сказал последнюю фразу, и растерянно побрела к двери. Столько всего свалилось, ей нужно переварить, обдумывая, как поступить. А Громов повел себя неожиданно... как тогда... три года назад. Почему? Ведь он не выносит ее.

Дождавшись, когда уйдет Евгения, Громов с пренебрежением бросил взгляд на лощенного, нежеланного гостя, показывая головой в сторону лифта, и процедил:

– Еще раз к ней или ребенку подойдешь...

– И что... поднимешься с этой коляски и дашь по морде? – Кротов не мог успокоиться. Его переполняли злорадство и раздражение.

– Думаешь, только у тебя есть знакомые, которые делают черную работу? Смотри, чтобы не вернулось бумерангом.

– Ты мне угрожаешь?

– Я предупреждаю, а дальше увидим.

Александр хмыкнул, стараясь держать лицо, чтобы инвалид не посчитал его трусом, и направился к лифту, резким движением ударяя по кнопке, не желая смотреть назад. Совсем не ожидал он такого приема. Знал, что упрямая рыжая девчонка не сдастся так легко, если учитывать, что и раньше не сломалась, но все же было несколько вариантов сломить ее, а теперь все усложнилось.

Громов еще некоторое время наблюдал, пока мужчина не скрылся в кабине лифта, напоследок бросив презрительный взгляд. Андрей задумчиво повел головой, понимая, что этот честным путем не пойдет. Дерьмо, а не человек. Такой бьет в спину и действует исподтишка.

Переговорить бы с адвокатом... Хвостов его звонки игнорировал, не желая отвечать. После того как Громов очнулся и получил краткий курс о перспективах, он позвонил адвокату, но мужчина попросил не беспокоить – его время слишком дорого стоит. Надо же... И это именно этого пацана он взял с нулевой практикой, увидев потенциал. Но когда он оказался без денег, то его откинули в сторону.

Мужчина сжал руки в кулаки, с ненавистью поглядывая на ноги. Вздохнул и стал разворачивать коляску, но тут задумался, вспоминая про Ломова, друга из детдома. Благодаря его

поддержке, он крепко встал на ноги, а потом их дороги разошлись. Громов познакомился с Суворовым, успешным, предприимчивым бизнесменом, предложившим вести общее дело и провести крупную сделку. Новый друг и соратник понимал его как никто, размышляя в сфере бизнеса на одной волне. Илья же считался взрывным, необузданным, неуправляемым, предпочитая проблемы решать кулаками. Как получилось, что они отдалились, Андрей не помнил, но был уверен, что если найдет Лома, то Илья бросит все и поможет, как бы сейчас не презирал его.

Так было всегда. Нелюдимый и дикий Лом был верен тому, что считал важным. А он... Громов запустил пальцы в волосы, на секунду задумываясь, что нужно состричь лишнее, а потом нахмурился, вспоминая о том, что стало смыслом в жизни.

Деньги и власть – Андрей так быстро поднялся со дна и, стало казаться, что Илья ниже рангом, хоть друг имел уважение и погоны, дослужившись до начальника боевой группы специального назначения. Потом он ушел, насколько Громов слышал, подался в каскадеры. Через год Ломов уже считался профессиональным каскадером, лучшим постановщиком трюков. Честно признаться, Громов считал глупостью рисковать своей жизнью за копейки для куска в фильме, в то время, когда он сидел в солидном кабинете и зарабатывал миллионы.

И теперь ничего нет. Все его оставили...

Но Жене нужно помочь. Если, конечно, она подробно расскажет ему о том, что случилось три года назад. Только так. Ему нужно знать правду. Но как? Липина молчит. Да она даже не рассказала бы ему о том, кто приходил. Он был уверен в этом. Если бы он не понял, что она ругается с кем-то, так и не узнал. Крики заставили его подняться с дивана. Андрей предупредил Марину не выходить из зала и поторопился к жене, чтобы узнать, в чем дело. Когда увидел, что неизвестный мужик дергает ее за плечо и руку, ярость моментально вернула в реальность.

Проклятая коляска...

Нет, нужно что-то решать. Высочка не отстанет. И еще ему необходимо знать все касательно ребенка, тогда, возможно, и он поймет, почему помог ей, во что не верил до сих пор. Он был слишком эгоистичен, алчен, насыщен успехом, деньгами, вниманием изящных красавиц. Да, он допустил огромный промах – повелся на блестящую пыль, потеряв хватку. Еще бы понять, как он все потерял. Андрей не верил, предполагал, что допустил ошибку, но, чтобы порушить бизнес и покончить жизнь самоубийством – нет. Никогда. Не для того он выживал, карабкаясь вверх. Он все вернет. Все... что потерял, только это потом...

Громов посмотрел на дверь и направил кресло внутрь, слыша голос Евгении, рассказывающей сказку дочери. Отлично. Как уложит спать, они поговорят. Пора. Время пришло.

* * *

Поправив одеяло, Женя закрыла глаза, не представляя, что теперь будет. Суды, разбирательства – как будто у нее больше забот нет. Устала. Как же она устала. Глянув в окошко, кивнула черной мгле, будто в темноте кто-то наблюдал за ней, напоминая, что слабость – непозволительная роскошь, и медленно вышла из комнаты, прямым ходом направляясь в кухню. Ноги гудели, напоминая о тяжелом дне. Возникла мысль, что он никогда не закончится. Включив свет, женщина вошла внутрь и увидела Громова, сидящего у окна.

– Ты... – перевела дыхание, не понимая, почему он здесь один в темноте, – хочешь чая?

– Я хочу... – Громов сделал паузу, – узнать о том, кто приходил к нам, угрожая забрать Марину. Я считал, что она твоя дочь, но нет. Теперь хочу услышать правду.

– Она моя дочь! – протестующе возразила Евгения, приближаясь на шаг к нему, откидывая косу на спину, очень тонко ощущая мощное раздражение на его слова. Поспешно подошла к плите, поставила руки на черную панель, склонив голову вниз, и устало проговорила: – Теперь моя. Виктория умерла, когда Марине еще года не было. Я приехала к ней на Новый год,

а она с мужиками отдыхала. Ребенок в соседней комнате с высокой температурой. Бронхит. Я легла с ней в больницу, а когда вернулись, то... сестра она уже была холодная. Ее задушили.

– И что выяснили? – сухо уточнил мужчина, понимая, что нужно сказать слова сожаления, но не знал какие.

– Ничего. До этого все, кто заходили, говорили, что в этот день не были. Да и следователи не хотели расследовать, особенно когда слышали о ней только гадости. Вика...

– Вы плохо ладили? – в лоб спросил Громов, не привыкший медленно и корректно подходить к вопросу. И в жизни, и в работе он действовал нахрапом, мгновенно, не желая надеяться на кого-то, полагаясь лишь на себя.

Вздохнув, Женя повела головой. Облизнула губы и пошла к стулу. Присела и осторожно начала:

– Тогда я плохо воспринимала ситуацию, делая все на автомате, а потом... малышку забрали... Взяли и безжалостно забрали. Я не понимала. Честное слово. Была в растерянности. Ведь моя сестра замужем и у нее богатый мужчина. А тут...

– И почему отец не забрал ребенка после смерти жены?

Евгения закусила губу, чувствуя кровь во рту, и дергая пальцы, выгибая ладони, прошептала:

– А не было никакого мужа, брака. Вымысел сестры. Ради денег она оформила документы, как мать-одиночка, а может, никто и не звал замуж. У Марины по закону нет отца. Я не могла поверить. Для меня информация стала шоком. Не представляя, что делать, я начала искать Кротова и... нашла. Когда явилась к нему в офис, он был очень недоволен. Сказал, что был с ней в последний раз, когда я приезжала в гости, когда она на четвертой неделе беременности была. Прожив с ней еще несколько дней, Кротов понял, что не хочет связываться. Через две недели после моего отъезда он застал Юлю с любовником и ушел. Александр кричал, что достоверно не знал, чье это отродье, а раз от такой мамы, значит, такое же корыстное чудовище будет. Еще поведал, что встретил нормальную женщину и ему не нужны выродки. Я ушла, а через день явилась хозяйка квартиры и сказала мне выметаться, если не заплачу. Заверив, что все хорошо, сняла жилье на месяц, не зная, что делать. Проконсультировавшись со всеми, поняла, что мне ничего не светит. Тяжело мне далось решение, но я переехала и устроилась на работу. Сказали, что если будут деньги на счете, стабильный заработок и где жить, то мне разрешат, но нет – отказ. Я молодая, одна... В полном отчаянии бродила по городу, пока случайно не оказалась на мосту. И потом встретила тебя. Я... все рассказала, поделилась, обо всем, что накопило, а на следующий день ты пришел ко мне на работу и предложил помощь.

– Я предложил брак?

– Да, ты предложил фиктивный брак, ну... то есть брак... который мы бы прекратили без хлопот через юристов. Аннулировать было запрещено, чтобы... чтобы не было нелепых слухов. Ты сказал, что все уладишь.

– Получается, про фиктивные отношения не было и слова в договоре, так?

– Там...

– Покажи мне документы, которые остались у тебя.

Поднявшись, Женя вышла из кухни и направилась в спальню, где в толстой папке складывала все документы на себя и дочку, а также медицинские заключения. Вернувшись, она положила папку на стол и, вытянув нужный договор, отдала мужчине.

Все время, пока Громов внимательно читал, она переживала, не зная, что думать.

Считая, что нужно отвлечься, Евгения поднялась и нажала на кнопку электрического чайника, желая заварить чай с мятой.

– Обычный брачный договор. Нет никаких дат. И вот еще... ты подавала заявление на перевод суммы? У тебя есть возможность получать ежемесячно или раз в год приличную сумму.

– Нет, мы сами.

Мужчина задержал внимание на хрупкой женщине, подошедшей к шкафчику, засыпающей заварку в чайник. Гордая...

– Сколько мы с тобой общались? – внезапно спросил он, не желая откладывать вопрос в долгий ящик.

Женя нахмурилась, но все же протянула:

– Три дня. Первый – знакомство, второй – подписание документов и третий...

Она замолчала, поэтому Громов дал ей две минуты ответить, а когда не дождался, уточнил:

– И третий...

– Через неделю... твой адвокат позвонил и сказал, что можно забирать Марину. Но приехал не он, а ты, чтобы съездить за ребенком.

– И что?

– Съездили и забрали, – резко выдала Евгения и отвернулась, давая намек, что разговор закончен, наливая кипяток в кружки, тут же спрашивая: – Будешь чай с мятой?

– Вероятно, гадость... Буду.

Кивнув, женщина поставила перед ним кружку и достала из духовки пирог, разрезая на большие куски, укладывая в тарелку. Определив блюдо рядом с мужчиной, она пододвинула кружку и прошептала:

– Очень успокаивает.

– И все?

– Что все?

– Больше мы не виделись?

Женя подняла лицо, думала секунду, а потом слишком быстро сказала:

– Нет. Все, или еще вопросы будут?

– Я хочу помочь.

– Не вижу связи.

Громов как-то недовольно посмотрел и произнес:

– Я хочу позвонить другу и попросить приехать сюда, чтобы помочь. Ты не будешь против?

Женя сделала глоток и кивнула, тихо спрашивая:

– Думаешь, у него есть шанс?

– Нет, я считаю, что он ничего не может. НИКТО и звать НИКАК, но тут нужен хороший адвокат.

– У меня остались деньги на счету...

Громов стиснул зубы и отвернулся. С недовольством смотрел на стену, а потом произнес:

– Почему ты решила мне помочь? Я тебе никто.

– Ты помог мне, когда я была в отчаянии – спас меня.

Мужчина резко повернулся, повел челюстью и резко уточнил:

– Решила отплатить и спасти?

Чувствуя агрессию, Женя провела подушечкой пальца по ободку кружки и ответила:

– Прости, если обидела, но ты для меня так много сделал. Для нас. Может, для тебя это мало – а для нас все. И я хотела помочь.

Громов ничего не сказал на ее слова, лишь кивнул и с каким-то раздражением выдал:

– Понял. Ладно, на сегодня достаточно. Иди отдыхать.

– Мне... еще платье обшивать мишурой и...

Громов возмутился. Он впервые видел женщину, которой совершенно плевать на себя, главное – счастье других. В своей жизни он встречал лишь хищниц, жадных и хитрых, способных на все ради своей цели. Или те, кто ничего собой не представляли, ни к чему не стреми-

лись, заботясь лишь о том, что встречалось на пути. Андрей отнес Женю ко второй категории, но, наблюдая за ней столько времени, отмечая, как она изматывает себя, работая, чтобы содержать... чужого ребенка, прилагая силы и терпение на калеку, ежедневно ухаживая, заставляя себя и его, неосознанно стал восхищаться. Нет, первое время ее упрямое поведение бесило. Она старалась, а ему было плевать. Громова раздражало все, хотелось закрыть глаза и забыть про этот чертов мир. Особенно когда смотрел в окно, наблюдая за людьми. У каждого свои проблемы, люди как муравьи куда-то спешили и не ценили того, что у них есть. Как и он. Он наслаждался жизнью, не представляя, что можно быть счастливым только потому, что у тебя целы конечности, и ты можешь ходить. В юности, когда решил, что сделает все, чтобы жить в богатстве, он шел к своей цели, наплевав на все, что окружало. А сейчас, запертый в клетке, он анализировал, воспринимая жизнь и поступки людей иначе.

Стоило Евгении с дочерью выйти из дома, он занимался, выполняя все, что требовалось, чтобы рыжая девчонка, как он про себя называл ее, увидела результат, из-за которого гробила себя. Когда три дня назад приехал врач, которого каждую неделю платно вызывала Женя, не слушая его рывканья и возмущения, и сказал, что удивлен его успехами, мужчина понял – он будет ходить и раньше, чем предполагал Леванов. Теперь он старался и для себя. С диким отчаянием, яростью, неистово желая встать на ноги, чтобы вновь себя почувствовать живым и полноценным.

– Ты с такими темпами загнешься, и у Марины больше никого не останется. Если о себе не думаешь, то вспомни о ней.

Слова достигли цели. Женя отвернулась, чувствуя усталость и грусть. Громов прав, очень точно подметил. Вновь сделав глоток, она проговорила:

– Я завтра вечером доделаю. Еще есть время. Утренник послезавтра.

– На улице темно. Будь осторожнее, когда идешь одна.

Евгения непонимающе нахмурилась, пытаясь себе доказать, что это просто слова, а не забота. Ей казалось, что Громов совсем не замечал ничего, жил в своем безрадостном мире. Смущаясь, она откусила пирог и медленно проживала, стараясь не показать, как растеряна. Ощутив взгляд, подняла лицо и встретилась с напряженным взглядом мужчины. Не зная, что он от нее ждет, она повела плечом и спросила:

– Зачем ты мне это говоришь?

Мужчина нахмурился, понимая, что ведет себя странно. Мгновенно разозлился, не понимая новых эмоций, словно для него это оказалось неожиданностью, а потом буркнул:

– Не забывай, Кротов сделает все, чтобы забрать ребенка. Законно у него не выйдет, значит, будет пытаться убрать тебя.

– Убрать? Что ты имеешь в виду?

– Да, убрать. Поверь, это очень просто, тем более у тебя нет защиты. Все зависит от того, как сильно ему нужна девочка.

Выпив чай, Женя поспешно встала и направилась к раковине. Сполоснув посуду, она повернулась и проговорила:

– Пойду в ванную. Ты... – она замялась, – через сколько освободишься, чтобы я массаж сделала?

– Я сам.

– Нет, ты сам делай в любое время и как считаешь нужным, а мне нужно хорошо размять ноги, – отчеканила она, не желая слышать возражения.

– Через десять минут, – буркнул он, понимая, что спорить бесполезно. Будет жужжать, пока ему не надоест. Пчела. Странно, но эта мысль вызвала ухмылку.

– Отлично. Я подойду, – произнесла Женя и поторопилась в ванную, где на стиральной машине ожидала одежда и полотенце. Некоторое время стояла, вглядываясь в стену, обдумыва-

вая слова мужчины, а потом залезла в ванну, принимая душ, стараясь, чтобы вода не прошла через щель и не залила пол.

Глава 6

«Опять я задержалась...» – думала женщина, двигаясь по тропинке от пятиэтажного здания. Только что уехала скорая, которую она вызвала, и теперь торопилась домой. Липина была возмущена, но ей было все равно на то, что мать больного мальчика осталась недовольна и пожалуется, в чем ни капли не сомневалась. Пускай. Главное – здоровье грудного ребенка. Иначе Женя не могла. У нее сегодня тридцать пять вызовов, лютый мороз, почти у всех высокая температура, а женщина решила учить ее расставлять приоритеты. Она работающая мама, трудится в банке на высокой должности, следовательно – к ней бежать в первую очередь. Витина оставляла ребенка с бабушкой, посчитав, что ничего страшного не произошло, как обычно, и сама назначила те лекарства, что обычно выписывали при ОРЗ. Целую неделю она занималась самолечением и когда поняла, что не помогает, потому как сыну стало хуже – вызвала врача.

Температура под сорок, пневмония – Евгения была в шоке, удивлялась, как можно матери столь безжалостно относиться к собственному ребенку. Притом Витина устроила скандал, гневаясь на то, что она должна ждать, как все, хоть она отличается по статусу и ее нельзя сравнивать с ленивыми тетками, не желающими трудиться во время декрета. Истеричная особа кричала как сумасшедшая, недовольная всем, отказываясь ложиться в больницу с сыном, считая это бесполезной тратой времени, как и давать ребенку антибиотики. Педиатр выслушал все обвинения и, дождавшись, когда женщина закончит с претензиями, спокойно объяснил ситуацию, не забыв про последствия, и вызвал скорую.

Застыв на месте, чтобы проверить сотовой, потому как не помнила, куда положила, когда завершила звонок, она устало улыбнулась, радуясь, что забрала дочку и отвела к соседке. Хотя Марина просилась остаться с Громовым, но Женя боялась беспокоить мужчину, ведь за ребенком смотреть не так легко, да и зачем утруждать?

Убедившись, что телефон на месте, женщина осмотрелась, радуясь, что можно идти домой. Всех прошла. Отметив мокрый снегопад, она съезжилась от холода и побежала к школе, планируя пройти через стадион, зная, что так быстрее. Ее любимый путь. Шел девятый час. Женя так поздно еще не возвращалась. Посильнее вцепившись в ручку сумки, она поторопилась по намеченному пути. Преодолев расстояние, выйдя из темного переулка, застопорилась, заметив рядом с ее домом на углу, где было нечто вроде лесопосадки, двоих мужчин. Если бы Громов не посоветовал быть осторожнее, она и не подумала ничего дурного, а сейчас насторожилась. Впервые видела их.

«Чужаки... И кого они ждут?» – столько вопросов, но понимая, что это могут стоять люди, ожидающие своих близких, женщина все же решила идти вперед. Она старалась не думать о плохом, но все же оглядывалась по сторонам.

Оказавшись рядом, со страхом осознала, что говорившие мужчины мгновенно замолчали, хотя до этого громко обсуждали вопрос подержанных тачек в хорошем состоянии. Она чуть сдвинулась на правую сторону и поспешила по дорожке, как тут же ей перекрыли дорогу. Мужчина в черном пуховике и вязаной серой шапке, стоявший на пути, громко зевнул и лениво протянул:

– Липина Евгения? – в его голосе чувствовалось раздражение. Сложилось впечатление, что такая схема общения используется всегда, и мужчине было невероятно скучно.

Отступив на шаг, Женя перевела взгляд на второго мужчину с квадратным лицом, нервно дергающего плечами, и спросила:

– Вы по какому вопросу?

– Она это! Что спрашиваешь?! – негодуяще протянул незнакомец, оглядываясь по сторонам, когда первый мужчина, обратившийся к Евгении, внезапно пошел на нее.

Евгения вскрикнула и побежала по дорожке, когда почувствовала удар в спину. Не ожидая, она полетела в снег, и в следующее мгновение мозолистая рука закрыла рот.

– Давай ее туда, – рявкнул второй, показывая на деревья, укрытые темнотой, продолжая исследовать глазами территорию, не понимая, почему женщины вечно визжат. Все им лишь бы на нервы действовать. Мерзкая привычка. Ничего спокойно делать не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.